

Арсен Коцоев

ОХОТНИКИ

Рассказ

Тедо и Симон живут рядом. Симону восемьдесят два года, а Тедо девяносто пять лет, но все это приблизительно: ни тот, ни другой из них точно своих лет не знает.

Один раз скажут больше, другой раз — меньше. Симон ходит, опираясь на палку, а Тедо уже без костылей и шагу сделать не может.

Симон устроил у своих ворот скамейку. У дома Тедо лежит камень.

Если погода не очень плохая, старики целыми днями сидят вместе: то у дома Симона, то у дома Тедо.

Если Симон выйдет на улицу первым, то к нему медленно подходит Тедо и садится рядом с ним на скамейку. А если Тедо уже сидит на своем камне, то Симон подходит к другу и садится на землю около него, облокотившись на камень.

Оба старика любят вспоминать молодость, любят хвастаться своим удальством.

Симон говорит:

— Я удалец был в молодые годы! И где только я не бродил: и в стране лезгин, и в стране армян, и даже в Кабарде.

— Кому ты это рассказываешь, Симон! — сердито отвечает Тедо. — Вот я бродил: нет уголка в мире, где я не побывал! Был в Кабарде, Баку, во Владикавказе много раз и даже до Москвы добрался. Вот я был удалец так удалец! Ты это должен знать, Симон!

— Тедо, ты рассказывай это своим внукам, — они поверят, а я твой сосед. Ты ни разу не переправлялся через ущелье Дарьяла! Вот я — другое дело: я столько раз переезжал через него, что даже счет потерял.

Тедо не сердится, — он только меняет свою позу и говорит спокойно.

— Вон, Симон, там, под ореховым деревом, играют ребятишки. Позови их и повтори им то, что сейчас сказал. Они поверят. Если, ты когда-нибудь и ходил по Дарьялу, то это могло быть только тогда, когда по Дарьялу даже и дети могли безопасно проходить. Так спорили старики о своем удальстве, но дело не доходило у них до большой ссоры; да они один без другого и жить бы не смогли.

Иногда речь у них шла и о царях.

Симон говорит:

— Царей в мире три.

Тедо не соглашается и отвечает:

— Нет, Симон, царей в мире пять.

— Ну, хорошо, пять, но из всех царей самый сильный — русский царь.

— Это верно, Симон, — говорит Тедо и продолжает: — А самый большой помещик — наш князь Гарсеван.

И тут Тедо начинает рассказывать о Гарсеване:

— Раз как-то Гарсеван был в России в гостях во дворце у царя.

— Да нет же, Тедо, не Гарсеван был в гостях у царя, а отец его, Росеб, — возражает Симон.

Но Тедо стоит на своем:

— Опять ты споришь, Симон!.. Слушай, как это было. Царю кто-то подарил коляску с тройкой вороных, царь сел, чтобы прокатиться, но наш Гарсеван остановил его: «Стой царь! — сказал он. — Не садись, коней надо сперва попробовать». Царь послушался Гарсевана и говорит человеку, который подарил коней: «Прокатись в коляске, а я отсюда посмотрю, что за кони». Тот отговаривался, но царь приказал, а слову царскому нельзя перечить. Сел человек в коляску, тройка понеслась, проскакала сто сажен — грянул взрыв!.. И коляска, и кучер, и хозяин коляски, и кони — все превратилось в клочья. Тогда царь посмотрел на Гарсевана и сказал: «Ты меня спас от верной смерти. Бери, Гарсеван, полцарства!» Наш князь ответил: «Нет, не возьму, я спас тебя по дружбе».

Тут Симон спрашивает:

— А Гарсеван так и не взял полцарства?

— А на что это ему нужно? Его собственным землям предела нет!..

Так разговаривали старики на скамейке или у камня.

Однажды утром Симон, выходя из дома, увидел во дворе початок кукурузы, поднял его и бросил несколько зерен курице, которая вертелась у него под ногами. Тогда Симону пришла в голову хорошая мысль: «Что я даром сижу? Дай откормлю курицу и потом продам ее за хорошую цену...» Бросает он курице зерна, а та подбирает.

Вот, опираясь на костыли, к скамейке приблизился Тедо.

— Что ты делаешь, Симон?

— Что делаю? Откармливаю курицу к Георгиевому дню.

— Откармливаешь курицу? — недоверчиво произнес Тедо, садясь на скамейку рядом с Симоном.

— Конечно, откармливаю, — это для меня привычное дело.

И чтобы еще более поразить Тедо, Симон начинает рассказывать:

— Однажды мы откармливали поросенка к пасхе. Не помню, сколько лет прошло с тех пор, а кажется, это случилось в прошлом году... Так вот, когда закололи поросенка, все селение сбежалось: сало было, поверь, Тедо, вот такой толщины!.. Да нет, что я показываю... Не в четыре пальца — надо прибавить еще и большой палец... Вот такой толщины было то сало!..

Тедо ответил недоверчиво:

— Э-э, Симон, такого сала не бывает ни у поросенка, ни у взрослой свиньи.

— А вот у того поросенка было, Тедо...

Симон хотел еще что-то рассказать про поросенка, но Тедо встал и отправился к себе домой, проворнее обыкновенного передвигая свои костыли.

— Куда, ты, Тедо?

Тедо ковылял, ничего не отвечая. Симон остался один, удивляясь: куда это Тедо мог уйти?..

Но вот Тедо показался опять; в руках у него початок кукурузы. Идет Тедо не торопясь, переставляя костыли, оглядывается, бросает зерна, а за ним, переваливаясь с боку на бок, идет серая утка.

Приблизился Тедо к Симону и сказал:

— Ты свою курицу откармливаешь к Георгиевому дню, а я свою утку кормлю к пасхе. Кушай, утя, утя...

Так и пошло около скамейки и около камня: «цып, цып» да «утя, утя»... Забыли старики про царей, про князей, про собственное удалство, только и было разговору о курах и утках.

Курица и утка тоже привыкли к старикам и никуда от них не отходили.

— Смотри, Тедо, — говорил Симон, — как округлилась моя курица.

— Нет, ты посмотри Симон, на утку, — отвечал Тедо. — Она от жира ноги еле передвигает.

— Что там утка!.. — отвечал Симон. — Наш князь Гарсеван ест только курятину.

Но Тедо не сердился и отвечал спокойно:

— Ты хочешь равнять курицу с утками? Ты, видно, не слышал: царь курицу близко не подпускает к своему дворцу, — он ест только утятину.

Так шли дни, наполненные новыми думами, новыми радостями, а курица с уткой и в самом деле жирели.

Однажды в жаркий летний полдень Тедо, поставив ладонь щитом над глазами, взглянул в сторону лесистой горы:

— Посмотри-ка, Симон, что это за всадники?

Посмотрел Симон и ответил:

— Отсюда нельзя определить: всадники, четыре, пять... Цып, цып, моя курочка...

Некоторое время всадников не было видно, — дорога пошла по оврагу. Но вот они показались на ближнем холмике.

— Утя, утя! — сказал Тедо, кормя утку. — Знаешь, Симон, кто это такие?

— Цып, цып! Кто?

— Сам Гарсеван со своими слугами и сворой собак.

Симон посмотрел пристальнее:

— Да, так и есть. Видно, с охоты: охотничьи сумки на них.

Всадники остановились около орехового дерева, слуги спрыгнули с коней; двое из них кинулись помогать князю. Сын князя, семнадцатилетний парень, соскочил сам и бросил поводья слуге. Один из слуг поставил под деревом походный стульчик для князя, но Гарсеван прилег в тени на зеленой траве, положив голову на ладони.

Симон и Тедо встали со своих мест и обнажили головы в знак почтения к прибывшим.

Долго их никто не замечал. Но вот подошел к ним княжеский сын Миха; он тронул костыли Тедо и сказал с улыбкой:

— Это что же? Ты думаешь, что на четырех ногах легче ходить? Думаешь, лошадь на четырех ходит, бык тоже так ходит — чем ты хуже?

Слуги засмеялись. Миха тронул пальцами бороду Симона:

— Отчего твоя борода так пожелтела? Ее над очагом коптил, что ли?

Старики смущенно молчали.

Миха рассеянно стал смотреть по сторонам, ища себе новой забавы. Один из слуг уже раздувал огонь, другие присели на бугорке и говорили вполголоса.

Старики стояли под солнцем с обнаженными головами.

Вдруг ружейный выстрел рассек знойный воздух. Все оглянулись; вздремнувший было князь Гарсеван поднял голову.

В руках молодого князя дымилось ружье; он, хохоча, указывал рукой на что-то.

— Смотрите, смотрите, разве я плохой стрелок?

В нескольких шагах от него билась в пыли курица Симона.

— Возьми, Габо, — сказал Миха, обращаясь к слуге, который сидел у костра, — зажарь ее: это повкуснее всей твоей дичи.

Симон, опершись на палку, смотрел на свою курицу, к которой подходил Габо. Курица последний раз ударила крыльями и замерла.

Тедо смотрел на Симона.

— Утя, утя, — тихо сказал он, — пойдем домой.

— Габо! — послышался голос Гарсевана. — Посмотри, как разжирела эта утка! Возьми ее и приготовь мне на завтрак: она хороша с красным вином.

Габо сделал шаг и схватил утку. Тедо и Симон сели на скамейку.

— А я думал, что будешь смеяться надо мной, Тедо, — сказал Симон.

С минуту Тедо не мог ничего ответить, потом сказал:

— Нет, оказалось, что твоя курица не хуже моей утки.

Перевод В. Шкловского

АНТОЛОГИЯ ОСЕТИНСКОЙ ПРОЗЫ